

Г Л А В А IV

ИНВЕНТАРЬ ИЗ МОГИЛЬНИКА В УЩЕЛЬЕ ХРТАНОЦ И СИНХРОННЫЕ ПАМЯТНИКИ

Предметы вооружения. Во второй главе этой работы, при описании оружия из могильника в ущелье Хртаноц, было упомянуто, что железные наконечники копий и ножи делятся на две разнотипные группы, причем первая из них соответствует по форме урартским изделиям, а вторая — тяготеет скорее к вещественным памятникам эпохи поздней бронзы или же образует более самостоятельную группу. Рассмотрим каждую группу в отдельности.

Крупные или среднего размера наконечники копий, образующие первую группу (табл. I, рис. 1—7) распространены на весьма широкой территории. Они особенно характерны для урартских поселений и закавказских могильников. Огромное количество подобных наконечников копий было обнаружено Ж. де Морганом при раскопках в Мусиери (погр. №№ 218, 242), Ахтале, Шейтан-даге и в других могильниках Лалвара, датировка которых определяется двуперыми или трехгранными стрелками раннескифского образца (погр. № 242)¹.

Аналогичные наконечники копий были обнаружены в могильниках ворнакской группы во время раскопок Е. С. Такайшвили (Матур—погр. №№ 6, 7, инв. I отдела Востока Эрмитажа, 16832, 16835)² и Н. Я. Марра (Ворнак—инв. э. 16954)³, а также при раскопках могильников дманисской⁴, цалкинской⁵, мцхетской, севанской и других групп, где они также сопровождаются часто наконечниками стрел скифского типа. Указанного типа наконечник копья (Ист. музей АН Арм. ССР, инв. № 319144) был обнаружен и в с. Бджни, Ахтинского района Арм. ССР, при раскопках Комитета по охране древностей в марте 1929 года, вместе с инвентарем, вполне соответствующим археологическому материалу из кромлехов ущелья Хртаноц, а также в районе Лениакана, в комплексе вещей, относящихся ко времени широкого использования железа.

На территории Ванского царства при работах немецкой экспедиции Леманна-Гаупта было обнаружено 500—600 железных предметов, среди

¹ J. de Morgan, Mission, I, рис. 28, 18, 15.

² Е. С. Такайшвили, Дневник раскопок.

³ ОАК за 1893 г., стр. 14—16.

⁴ Г. К. Ниорадзе, Некоторые особенности Дманисского некрополя.

⁵ Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, табл. XVI и XXXV.

которых вместе с изогнутыми ножами находились и наконечники копий рассматриваемого типа¹. Раскопки урартской крепости Тейшебаини также дали огромное количество подобных наконечников, встречающихся во всех помещениях цитадели, а наконечник копья из приведенного нами выше комплекса железных предметов (пом. № 28, карас 46) не отличается от многих хртаноцских и других копий даже по размерам.

Чрезвычайный интерес, однако, представляет то обстоятельство, что распространение этого типа наконечников копий не ограничивается Ванским царством и Закавказьем. В могильниках скифского периода, на территории северо-восточного Кавказа, у аулов Исти-су, Бойси-ирзо и Ани-ирзо были обнаружены наконечники копий, весьма близкие к закавказским образцам². О. А. Артамонова-Полтавцева, опубликовавшая недавно эти комплексы, вполне справедливо отметила близость их к так-килисинским образцам. Судя по рисункам, несколько наконечников копий, происходящих из раскопок скифского городища близ с. Голушино (бывш. Киев. губ.) близко напоминают закавказские³, хотя наконечники копий, обнаруженные в скифских курганах VII—VI вв. до н. э., в целом отличаются от наших.

В то время как первая группа наконечников копий хорошо связывается с урартскими, вторая группа их (табл. I, рис. 8—11) из могильника в ущелье Хртаноц, состоящая из миниатюрных образцов, не имеет аналогий среди материалов из урартских поселений и встречается в могильниках Армении совместно с крупными наконечниками копий. Развитие этой группы идет, повидимому, по линии подражания бронзовым предметам в полном соответствии с процессом развития технологии обработки железа, позволяющей копировать бронзовые, более выработанной формы изделия при изготовлении железных. Здесь, конечно, нет полного отрыва от первой группы. Это предположение подкрепляется тем, что наконечники копий второй группы выделяются более четким внешним оформлением, а некоторые из них, резко отличаясь по форме от наконечников первой группы, находят аналогию в погребениях VII—VI вв. и в комплексах более поздних. Так, например, наконечник копья из могильника ущелья Хртаноц, представленный на табл. I, рис. 10, резко отличается от всех других и находит близкие аналогии в группе хранящихся в Историческом музее АН Арм. ССР наконечников копий из могильников Армении, относящихся в основном к VII—VI вв. до н. э. В эту группу входят два наконечника копья из раскопок Н. Я. Марра в с. Ворнак (инв. 697/2), один наконечник (инв. 1578) из Ноемберянского района (собрание С. В. Тер-Аветисяна), один (инв. 478) — из Алавердского района (случайная находка), два наконечника копья из кургана близ с. Качаган, Алавердского района (инв. 1892/21)⁴. Этот курган содержит ряд погребений, часть ко-

¹ G. F. Lehmann-Haupt, *Armenien einst und jetzt*, Zweiter Band, S. 507, 544—546.

² О. А. Артамонова-Полтавцева, *Культура северо-восточного Кавказа в скифский период*. СА, XIV, 1950, рис. 20, 1—2.

³ Б. и В. Хапенко, *Древности Приднестровья*, вып. II, 1900, табл. I, рис. 3, 5, 6.

⁴ Ориентировочные раскопки А. О. Мнацаканяна в 1951 г.

торых относится к самому началу освоения железа, а другая к эпохе широкого освоения железа. Характерно то обстоятельство, что как в ворнакских, так и в качаганском погребениях эти миниатюрные наконечники копий находятся вместе с скифскими стрелками позднего типа (V в.). Приведенный наконечник копья находит свое точное соответствие среди инвентаря из недавно раскопанного долменовидного могильного сооружения близ сел. Ахлатян, Сисианского района (Арм. ССР), связывающегося по многим ответственным линиям (железные предметы, керамика, бусы) с погребениями в Головино, но принадлежащего, несомненно, к более позднему времени (V—III вв. до н. э.), судя по находкам там бус из египетской пасты и другого материала¹.

В Дванском же могильнике вместе с бронзовыми стрелами архаичного скифского типа были найдены как железные, так и бронзовые наконечники копий, которые, судя по рисункам, не отличались друг от друга (см. рис. №№ 1 и 3)². То же самое можно сказать при сравнении некоторых железных наконечников копий из Лалвара с бронзовыми наконечниками копий из могильника у «Редкина Лагерь». Наконечник к этой группе наконечников копий нужно причислить найденные Ж. де Морганом³, Е. Лалаяном (инв. ГМА 1577) и покойным А. П. Кругловым (Исти-су, погр. № 7)⁴ короткие наконечники копий, которые своим широким листовидным лезвием существенно отличаются от обычных железных копий и передают формы бронзовых образцов.

В указанном отношении весьма характерную картину представляет комплекс железных и бронзовых предметов, обнаруженных в 1934 г. в Леникане при исследовании поселения урартского времени⁵, и в 1939 году там же при земляных работах. Найденная здесь в 1934 г. бронзовая секира закавказского типа была дополнена в 1939 г. одновременными с нею предметами, среди которых особенно выделяются топорик кобаноколхидского II типа с заостренным обушком (Лениканский краеведческий музей, инв. 282), бронзовые тесла (инв. 276, 277), наконечники копий из железа (2 шт., инв. 269) и из бронзы (инв. 268, 270), а также много другого оружия. Это единственный комплекс (XI—V вв. до н. э.), где наряду с бронзовыми наконечниками копий встречаются миниатюрные железные наконечники, точно соответствующие по форме бронзовым наконечникам того же комплекса. Особенно типичен здесь один из железных наконечников, который своим широким листовидным лезвием с четким срединным ребром и втулкой, представляющей сплошную, суживающуюся к лезвию трубочку, напоминает бронзовые наконечники копий, изготовленные литьем.

Наличие наконечников копий обоих типов в могильниках Армении указывает на высокое развитие железной металлургии и на местное их изготовление, хотя изучение первой группы показывает, что эти крупные

¹ Раскопки М. С. Асратяна (результаты не опубликованы).

² С. И. Макалатиа. Раскопки Дванского могильника.

³ J. de Morgan, ук. соч., т. I, рис. 48.

⁴ О. А. Артамонова-Полтавцева, ук. соч.

⁵ ПИДО, № 9—10, стр. 166 и сл., 1934.

железные копья появились в Закавказье в большом количестве в период непосредственной урартской экспансии (VIII—VI вв. до н. э.), а между тем, по данным археологии, нельзя проследить развитие этого типа на местной почве. Широкое распространение их на огромном пространстве в неизмеримо короткий промежуток времени говорит в пользу сильного внешнего воздействия. Такое влияние могла оказать урартская высоко-развитая металлургия, основанная на применении железа для орудий и оружия. В этом особенно убеждает нас сравнение форм урартских и местных изделий.

Аналогичная картина наблюдается и на примере железных ножей. Серповидно изогнутые ножи, составляющие первую группу (табл. III, рис. 1—2), являются спутниками наконечников копий и встречаются во всех перечисленных могильниках. Отметим лишь, что сравнение изогнутого ножа из кромлеха № 8 с ножом упомянутого уже кармирблурского комплекса не оставляет сомнения в их тождественности (даже по размерам). В редких экземплярах они встречаются на территории Азербайджанской ССР (2 шт. в с. Доланлар, Нагорн. Карабаха); зато в курганах Приднепровья они встречаются сплошь и рядом. Так, в кургане № 4 у хут. Дариевка были найдены изогнутые железные ножи с костяными накладками вместе с типично скифским акинаком, наконечниками копий, боевым топориком типа, найденного во II кромлехе у Головино, стрелами раннескифского типа из бронзы, костяными наконечниками стрел, близко напоминающими самтавские, и множеством золотых бляшек. Таковые были обнаружены и в курганах у с. Шандра (бывш. Киев. губ.) и у бывш. Холоднрянской экономии и в могильнике у с. Долинское¹ и в городище близ с. Галушино и в курганах на Майдане (близ Смелы). Один из этих курганов (XIX) представляет большой интерес. В этом разграбленном кургане вместе с изогнутыми ножами были найдены наконечники копий, бронзовые наконечники стрел и замечательная цилиндрическая печать из халцедона позднеассирийского времени с изображением коня и крылатого диска².

Совершенно отличную группу от предыдущей составляют миниатюрные (табл. III, рис. 3) ножи с подтреугольным лезвием. В могильнике ушелья Хртаноц они встречаются гораздо больше по сравнению с изогнутыми и вместе с тем не находят (пока что) аналогий ни среди урартских, ни среди местных образцов. Сплошное их распространение в могильнике Хртаноц и вместе с тем отсутствие таковых среди материалов из древневосточных поселений убеждают нас в местном происхождении и указывают в данном случае на отрыв от урартской традиции, на создание собственно местного типа железных изделий.

Подобно ножам этого типа, совершенно самостоятельную и разнообразную группу образуют железные кинжалы Хртаноцкого могильника. Отсутствие какого бы то ни было стандарта в области их изготовле-

¹ О. Н. Мельниковская, Могильник у с. Долинское, Черниговской области, КСИИМК, вып. XXXIV, 1950.

² А. А. Бобринский, Курганы близ Смелы, т. I, стр. 76—77.

ния затрудняет дело классификации образцов по типам и подыскивания сравнительного материала, поэтому при анализе их коснемся лишь тех образцов, которые имеют более или менее близкие аналогии.

Большой интерес представляет железный кинжальный клинок с двумя гвоздиками в верхней части из кромлеха № 8 (табл. II, рис. 1), напоминающий в общем бронзовые кинжальные клинки с насадными головками из могильников Закавказья эпохи поздней бронзы и первоначального появления железа (Триалети, Самтавро). Более или менее близкий по типу бронзовый кинжал происходит из раскопок Бешташенского могильника¹, относящегося к эпохе поздней бронзы. В одно и то же время железный кинжальный клинок более широкий, но довольно близкий к нашemu, также с гвоздиками для прикрепления насадной головки (Эрмитаж, инв. 16923), происходит из раскопок Н. Я. Марра в Ворнаке. Инвентарь этого могильника, находящийся отчасти в фондах Эрмитажа, по ряду очень близких признаков — железное оружие и бронзовые предметы — соприкасается с инвентарем из могильника ущ. Хртаноц, но с несомненностью должен быть отнесен к более позднему времени, благодаря находке там скифской трехгранной стрелы (инв. 17028) с опущенными концами граней позднего типа, шейных гривен из железа и других предметов. Среди археологического материала из северо-западного Кавказа, датированного временем между IX—VII вв. до н. э., имеются два кинжальных клинка, близко напоминающих наш экземпляр².

Другой железный фрагментированный кинжал (табл. XII, рис. 7), происходящий из кромлеха № 1, имеет, как уже было упомянуто, короткий, узкий черенок для посадки головки и в этой части опять-таки напоминает бешташенские черенковые клинки из бронзы³, но находит точное свое соответствие в материалах из раскопок Н. Я. Марра в Ворнаке (Эрмитаж, инв. 16913). Два близких по типу кинжала (инв. 488г, 487с) происходят из могильника в с. Ани-Пемза, датированного с помощью бронзового гравированного пояса урартским временем, и один кинжальчик (инв. 1904/29) — из могильника, раскопанного на территории описанного выше древнего поселения близ с. Какси, Ахтинского района. Инвентарь из этого могильника типичен для эпохи широкого освоения железа.

Последний, аналогичный приведенному, бронзовый кинжал происходит из погребения на р. Гоначхир, относимого к концу медно-бронзовой эпохи на северо-западном Кавказе⁴.

Сравнительное изучение этих образцов показывает, что, подобно наконечникам копий второго типа, они тяготеют, с одной стороны, к предметам поздне-бронзовой эпохи, а с другой стороны, находят аналогии в более поздних памятниках эпохи широкого освоения железа.

Характерную группу для могильников северной Армении VII—VI вв. до н. э. составляют железные кинжалы в бронзовых ножнах, орнаменти-

¹ Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, рис. 77, 2.

² А. А. Иессен, Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронз. века, МА СССР, № 23, стр. 114—115, рис. 52, 3.

³ Б. А. Куфтин, ук. соч., рис. 77, 5.

⁴ А. А. Иессен, ук. соч., стр. 91, рис. 52, 2.

рованных чаще всего геометрическим рисунком. Один из подобных кинжалов происходит как раз из кромлеха № 3 (табл. XVI, рис. 5—6). Обломанное толстое лезвие его имеет ромбовидную форму в сечении, а рукоятка, выкованная вместе с клинком, имеет с обеих сторон бронзовые накладки, покрывающие собою часть клинка и прикрепленные к ней с помощью пяти заклепок. Ножны кинжала, представленные в трех больших фрагментах, не отличаясь по форме от аналогичных, украшены внизу тремя полосками геометрического орнамента. Два подобных кинжала, обнаруженных Е. С. Такайшвили в V погребении Ворнака, были описаны во второй главе. Подобные же кинжалы в бронзовых ножнах были найдены и во время работ Ж. де Морпана в Мусиери и Садахло, а также в паташарском кургане № 3 (Севанский район)¹, где вместе с ним были найдены бронзовый пояс и другой железный кинжал без ножен, и в загалинском кургане № 42, содержащем два мужских костяка. Но самой близкой аналогией являются бронзовые ножны, обнаруженные в одном из погребений Басаргечара. Последний железный кинжал из Хртаноца с четким серединным ребром (табл. II, рис. 2) ближайших аналогий не имеет, но напоминает кинжалы, найденные Ж. де Морганом на Шейтан-даге и в Ахтале².

Наконец, к числу предметов железного вооружения относится и маленький боевой топорик скифского типа, происходящий из кромлеха № 2 (см. табл. XV, рис. 9). Он представляет из себя топор-молот удлиненной формы с обухом в виде молотка, один конец его тупой и отломанный, другой — согнут и заострен. Подобные топорики не получили в Армении широкого распространения. Единственный, аналогичный нашему топорик, известный в литературе, происходит из могильника в Мусиери³. Ближайшие аналогии он находит среди материалов из скифских курганов Киевской области. Так, в кургане близ хутора Шумейко (бывш. Роменский уезд, Полт. губ.) в 1899 г., при раскопках С. А. Мазараки⁴, были обнаружены 3 подобных топорика вместе с типично скифским акинаком в золотых ножнах (№ 461), железным чешуйчатым панцырем (172) и двумя железными наконечниками копий. Огромный интерес представляет здесь находка скифского конского убора (типа, найденного в пом. № 18 на Кармир-блуре), состоящего из 18 железных удил с костяными резными псалями, украшенными в противоположных концах изображениями головок животных и копыт (529—530), одной пары железных удил с железными же псалями, а также прекрасно сохранившейся уздечки с бронзовым набором пряжек, в форме птичьих клювов (№ 333) и псалями из бронзы. Подобные конские уборы широко распространены в Приднестровье. В кургане № 1 близ с. Райгорода (бывш. Черкасск. уезд., Киевск. губ.) при раскопках В. В. Хвойко⁵ в 1899 г. были найдены 8 железных

¹ Д. Г. Мусиери, *Археологические находки в Мусиери*, стр. 14, 15, 17.

² J. de Morgan, *ук. соч.*, т. I, рис. 121, 2.

³ J. de Morgan, *ук. соч.*, рис. 52.

⁴ Б. и В. Ханенко, *Древности Приднестровья*, вып. II, стр. 7—8.

⁵ А. А. Бобринский, *ук. соч.*

удил с костяными псалями (№ 528) и костяными барабановидными пряжками, снабженными четырьмя отверстиями (№ 534), в которых сохранились деревянные шпеньки. Они известны и из с. Пруссы (б. Черкасск. у., Киевской губ.) и из многих других мест. Но особенно близкие к кармирблурскому конские уборы происходят из курганов №№ XXXVIII, XL (т. XI), ССXLIV (т. X), расположенных в окрестностях местечка Смелы, и, в частности, из курганов близ с. Аксютинцы, Волковицы, Поповка, Роменского уезда, б. Полтавской губ. (табл. XIII, рис. 17 и XIV, VIII)¹.

Возвращаясь к железному топорiku из кромлеха № 2, нужно отметить, что таковые были обнаружены и в курганах, расположенных в средней области р. Днепр. В одном из курганов близ Триполья в 1897 г., при раскопках В. В. Хвойко², вместе с акинаком, наконечником копья, изогнутым ножом, ланцетовидными стрелами и костяными псалями было обнаружено два боевых топорика. Близкие по типу железные топорики распространены на Северном Кавказе, в частности, в могильниках Северной Осетии, и опубликованы П. С. Уваровой (МАК XIII, табл. II, рис. 10—11, табл. XLIX, рис. 5—6). Один из этих топориков (рис. 10) вполне соответствует нашему. Последний, соответствующий нашему, бронзовый топорик мы находим к северу от упомянутых среди инвентаря из раскопок кургана № 7 близ Андрюковской станицы (1897 г.)³. Несколько отличные железные топорики известны также из раскопок Долбежева в Дагестане, близ аула Псе-дахе⁴, однако они относятся, по видимому, к более позднему времени.

Предметы вооружения из бронзы

В то время как предметы железного вооружения составляют характернейшую часть инвентаря упомянутых могильников VII—VI вв. до н. э. и, в частности, могильника ущ. Хртаноц, бронзовое оружие выступает здесь в единичных экземплярах либо в пережиточной форме, либо в форме оружия, мало применяемого и не получившего широкого распространения. Зато некоторые из них вместе с предметами другого назначения ведут нас вглубь веков, указывая, таким образом, на непрерывную генетическую связь между предыдущим и последующим этапами развития культуры первобытного общества. Более или менее выразительны в этой группе бронзовые пики, происходящие из кромлехов №№ 1 и 8 (табл. III, рис. 4—5). Все четыре пики совершенно аналогичны. Находки этого типа оружия в Закавказье ограничиваются несколькими экземплярами, подчас не совсем сходными. Пики этого типа, но изготовленные из железа, известны по раскопкам А. А. Ивановского⁵. Две из них были обнаружены в каменном ящике № 81, около с. Кюлатак, на берегу одноименной речки, вместе со втульчатым наконечником копья и железным ножом, отличными от рассмотренных нами типов, а также в погребении № 62, между Кедабеком и

¹ А. А. Бобринский, ук. соч.

² Б. и В. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. II, стр. 11—12.

³ А. А. Иессен, ук. соч., рис. 55.

⁴ ОАК за 1898, стр. 160—164.

⁵ МАК, вып. VI, табл. V. 4—7.

Калакентом, в долине реки Шамхор, недалеко от г. Мисдаг. Они были обнаружены в единичных экземплярах Н. Я. Марром в Ворнаке¹, Ф. Байэрном в Самтавро (погр. № 583)² и в 1950 году М. С. Асратяном в дольмене близ с. Ахлатян, Сисианского района. Еще реже они встречаются на Северном Кавказе и в Приднепровье. На территории северо-восточного Кавказа они известны из раскопок могильников близ аулов Исти-су (погр. № 18) и Бойси-ирзо (погр. № 3)³. О. А. Артамонова-Полтавцева, опубликовавшая результаты работ Северо-кавказской археологической экспедиции, по этому поводу пишет: «А. А. Ивановский эти наконечники считал самостоятельными предметами—наконечниками пик, но они несомненно являются «втоками». Нам представляется, что действительно эти предметы являются самостоятельными, так как наружное их оформление (четырёхгранное, заостренное) указывает на военное их назначение и, кроме того, совершенно несомненно, что они надевались на древко. На обнаруженных в ущелье Хртаноц пиках сохранились остатки древка. В этом нас убеждает и другой пример. В городище Галушино (б. Чигириск. у., Киев. губ.) вместе с изогнутыми ножами и железным серпом⁴, не отличающимся от серпа, найденного в погребении № 2 близ с. Головино, был обнаружен еще удлиненный с заостренным концом железный предмет с трубчатым насадом, близко напоминающий закавказские образцы. Верхняя его часть имела подчетырёхгранную форму и несколько напоминала лезвие копья. Ханенко называет его наконечником пики или же копья, так как военное назначение этого типа предметов не вызывает сомнения. Таким образом, хотя эти пики встречаются в памятниках широкого освоения железа, они не являются характерными для этой эпохи оружием, по видимому, потому, что боевые возможности их по сравнению с наконечниками копий очень ограничены.

Последние два предмета из бронзы совершенно не характерны для данной эпохи и тем самым представляют большой интерес. Один из них (табл. II, рис. 4), как уже было упомянуто, представляет собой обломок кинжального клинка с широкой полоской посередине, превращенный умышленно в нож. Отсутствие верхней части клинка лишает нас возможности приводить точные аналогии, так как кинжалы с широкой срединной полоской и насадной головкой очень характерны для кобанской (МАК VIII, табл. XII, рис. 1—2) и западно-грузинской бронзы (примерно VII в. до н. э.) и, с другой стороны, встречаются в могильниках Армении (Кировакан, Пашакенд)⁵. Кинжал очень близкого к обнаруженным в Армении типа был найден в Ленкоране Ж. де Морганом, считавшим его пережиточным типом, употреблявшимся наряду с новыми типами вооружения. Вслед за Морганом к тому же мнению пришли также Т. С. Пассек и Б. А.

¹ ОАК за 1893, стр. 14—16.

² Б. А. Куфтин, Раскопки в Триалети, рис. 76.

³ О. А. Артамонова-Полтавцева, Культура северо-восточного Кавказа, рис. 20.

⁴ Б. и В. Ханенко, ук. соч., табл. IV, рис. 86, табл. I, рис. 7.

⁵ Կ. Ղաֆադարյան, Հանրապետության պեղումները Կիրովականում:

Латынин¹. Таким образом, точно определить, к какому типу относится клинок, представляется невозможным, однако совершенно определенно можно сказать, что некогда широко распространенный тип оружия в период широкого распространения железа окончательно вышел из употребления. Некоторое сомнение вызывает замечательный бронзовый кинжал (табл. II, рис. 5) с рамочной рукояткой и ажурной головкой, происходящий как будто из совместного погребения человека и коня в ущелье Хртаноц². Погребальный комплекс этой могилы не выяснен, поэтому отнесение кинжала к рассмотренным выше комплексам чрезвычайно затрудняется, и вопрос остается открытым.

На первый взгляд в более древнюю эпоху ведут нас также наконечники стрел из кремня и дымчатого обсидиана, обнаруженные в погр. № 2 у с. Головино, но сравнительное их изучение показывает, что каменные наконечники стрел удлиненной формы с выемчатым основанием никак не переходят за рубеж первого тысячелетия. Наконечники стрел из обсидиана и кремня были обнаружены И. И. Мещаниновым в 1926 году совместно с крашеной и чернолощеной керамикой, а также бронзовыми стрелами при исследовании шести нарушенных погребений на территории Кизил-Ванского могильника³.

Вещи, найденные И. И. Мещаниновым, не опубликованы, но снимок одной из могил, где показан бронзовый наконечник стрелы, дает возможность заключить, что этот последний совершенно не отличается по форме от наконечников стрел, обнаруженных А. А. Ивановским в кургане № 91 у села Карабулак⁴, где совместно с ними были обнаружены наконечники стрел из обсидиана и яшмы, очень близкие по форме к нашим. Курган № 91 может датироваться началом 1-го тысячелетия до н. э. Еще ближе ко второму погребению у с. Головино подходит Кармирблурский могильник⁵, где вместе с аналогичными нашим обсидиановыми стрелами была найдена керамика, частично связывающаяся с керамикой из Головино и Кармирблурской цитадели.

Обнаружение их в погребении № 2 у с. Головино вместе с изогнутыми ножами и серпом, а также орнаментированным кувшином лалварского типа, с несомненностью указывает, что они здесь могут быть датированы VIII—VII вв. до н. э., в то время как в других могильниках конца VII в. появляются уже раннескифские наконечники стрел. К сказанному нужно добавить, что для северо-восточной части Армянского нагорья обсидиановые, кремневые и яшмовые стрелы весьма характерны. Достаточно упомянуть, что в 86 погребениях Редкина Лагерь, исследованных Ф.

¹ Т. С. Пассек, Б. А. Латынин, Очерки доистории Азербайджана.

² *Кинжал и стрелы, найденные в ущелье Хртаноц*, стр. 105.

³ И. И. Мещанинов, Краткие сведения о работах археолог. экспедиции в Нагорный Карабах и Нахичеванский край. Сообщ. ГАИМК, I, 1926, стр. 236—237.

⁴ А. А. Ивановский, По Закавказью, МАК, вып. VI, стр. 157—164, табл. XV, 1911.

⁵ В. С. Сорокин, Тейшебаги—урартский город на территории Закавказья (рукопись).

Байэрном¹, было обнаружено огромное количество замечательных стрелок из камня при отсутствии каких бы то ни было бронзовых стрел, а между тем часть этих погребений отнеслась к эпохе VII—VI вв. до н. э. как на это указал Б. А. Куфтин.

Предметы искусства и украшения

Бронзовые пояса из могильника ущелья Хртаноц, как и все другие пояса, встречающиеся в могильниках Закавказья, относятся, безусловно, к военному снаряжению, но военно-защитная их значимость сходит совершенно на второй план при первом же ознакомлении с таковыми. Поэтому большая часть исследователей справедливо считала их культовыми предметами. И действительно, эти пояса дают богатый материал для изучения религиозных представлений, о чем речь будет ниже. С другой стороны, отражая религиозно-культовые представления весьма близких друг к другу по культуре племен и относясь в основном к эпохе железа, они хорошо иллюстрируют связи между этими племенами иногда на чрезвычайно больших пространствах. С этой точки зрения и надлежит нам рассмотреть бронзовые пояса, обнаруженные при раскопках хртаноцских кромлехов, дающие возможность для установления факта наличия широких связей.

Большой интерес представляет бронзовый пояс с двухрядным спиральным бордюром (табл. V, рис. 3), представленный лишь несколькими мелкими фрагментами, что лишает нас возможности реконструировать его или же найти для него точные аналогии. Тем не менее наличие двухрядного спирального бордюра прочно связывает этот пояс с определенными группами поясов. Очень характерная группа поясов со спиральным бордюром, окаймляющим изображения животных—представителей трех горизонтов в охотничьей обстановке, обнаружена на территории Армении Ж. де Морганом в могильниках поздней его группы в Мусиери и Ахтале². Ж. де Морган вполне справедливо отмечал, что пояса, украшенные спиральным орнаментом, характерны для поздних могильников Лалвара. Находка фрагментов нашего пояса подтверждает мнение Моргана.

Вторая группа поясов, украшенных спиральными бордюрами и изображающих охотничьи сцены, была обнаружена в могильниках урартского времени южной Грузии и Северной Осетии (Дманиси, Маралын-дереси, Кобань и описана в III главе настоящей работы (стр. 53).

Б. А. Куфтин³ отметил уже особенную близость поясов этих двух групп, синхронизовав в общем указанные памятники Лалвара, Дманиси, Триалети и Северной Осетии. Таким образом, устанавливается, что бронзовые пояса рассматриваемого типа весьма характерны для культуры Армении эпохи интенсивного освоения железа и не находят никаких аналогий за пределами Кавказа. Иначе обстоит дело у Ж. Моргана. Анализи-

¹ Rud. Virchow, Friedrich Bayerns Untersuchungen über die ältesten Gräber in Kaukasien, Zeitschrift für Ethnologie, Anthropologie und Urgeschichte, Berlin, 1885, VIII.

² J. de Morgan, ук. соч., т. I, рис. 190.

³ Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, стр. 51—52.

руя изображения животных и мотив спирали на предметах из могильников Закавказья и, главным образом, Северной Осетии (Кобань), он утверждал, что таковые не могли возникнуть на местной кавказской почве и являются элементами, привнесенными миграционной волной арийских племен, а может быть и индоевропейцев. При этом он опирался на употребление мотива спирали в арийских странах (II доисторический слой Гиссарлика, Греция, Этрурия, Австрия, Пруссия, Италия, Испания и т. п.)¹. Несомненно, во всех перечисленных Морганом странах мотив спирали бытовал, однако можно определенно утверждать, что этот мотив знаком чуть ли не всему миру и не только арийскому. Спираль была широко распространена в Египте, у хеттов, в Вавилонии и многих других местах и поэтому установление этнических связей путем изучения этого мотива представляется нам совершенно невозможным.

Между тем, нужно отметить, что спираль, как орнаментальный мотив, характерный для всего Закавказья еще с энеолитического времени, пережила долгий путь закономерного развития на собственной почве. Бронзовые пояса, украшенные по краям двухрядной спиралью, но с несколько иной трактовкой, известны и из других мест (Севан, Санаин).

Вторая, характерная для территории Армении группа поясов, украшенных точечным узором, представлена среди материалов из Хртаноцкого могильника двумя поясами (табл. V, рис. 1—2). Аналогичные пояса встречаются в урартских поселениях и могильниках на территории Армении. В 1914 г., при раскопках урартского могильника близ селения Малаклю (П. Ф. Петров)² был обнаружен пояс с точечным узором вместе с характерной урартской краснолощеной керамикой, бронзовыми змеиноголовыми и железными четковидными браслетами, ручкой от ситулы, гиревидными печатями и другим материалом. Для определения их культурно-хронологического места более отчетливый материал дали раскопки кармирблурской цитадели. В 1941 году при раскопках помещения № 4 был обнаружен фрагмент подобного пояса совместно с урартской гиревидной печатью и головкой грифона скифского типа, изготовленной из рога³. Другой обломок аналогичного пояса был найден в помещении № 13 вместе с разнообразными железными кинжалами, серпами, железным мечом закавказского типа, урартскими гиревидными и ассирийскими цилиндрическими печатями. Но последний, самый интересный экземпляр сходного пояса (в двух фрагментах) обнаружен во второй карасной комнате (1950 г.) вместе с комплексом железных орудий и оружия, приведенном выше (табл. XVIII, рис. 8). Один из этих фрагментов, представляющий слегка закругленный конец пояса, был обрамлен точечными полосками и внутри их украшен изображением священного дерева урартского типа, каковым украшены и пояса, обнаруженные в могильниках Армении (с. Заким, б. Карсск. обл. и Ани-Пемза, Артикского района Армян-

¹ J de Morgan, ук. соч., т. I, стр. 173—179.

² Б. А. Куфтин, Урартский колумбарий у подножья Арарата и Куро-Араксский энеолит, стр. 40.

³ Б. Б. Пиотровский Кермир-блур, I, стр. 50—51.

ской ССР) и золотые ножны акинаков из Литого и Келермесского курганов. Таким образом, примыкая по времени к группе закавказских поясов со спиральным украшением краев, эти пояса ведут нас еще дальше от Кобани, на территорию Северного Кавказа и южно-русских степей. Несомненно, что они изготовлялись на месте и являются памятниками местного искусства, отражающего глубокое влияние урартской культуры и как бы передающего это влияние скифам Северного Кавказа и Приднепровья. Об этом красноречиво говорят два фрагмента пояса (табл. IV, рис. 5) с изображением трех грифонов. При раскопках могильника, произведенных Комитетом охраны древностей Армении в с. Ани-Пемза в 1930 г., в погребении № 6 были обнаружены обломки бронзового пояса, украшенного изображениями львов, быков, птиц и деревьев жизни, а также двух очень близких к нашим грифонам фантастических существ, причем одно из них представлено с птичьим туловищем и человеческими головой и ногами, а другое—с птичьим же туловищем, но головой и ногами грифона. Очень близкий к этому пояс происходит из с. Заким, б. Карсской обл., найденный, повидимому, в разрушенном погребении вместе со змеиноголовыми браслетами¹.

Б. Б. Пиотровский на основании большого сравнительного материала из урартских крепостей на Топрах-кале и Кармир-блуре, а также из раннескифских курганов Северного Кавказа и Приднепровья с большой убедительностью показал, что закавказские пояса, украшенные изображениями деревьев жизни и фантастических животных, а также золотые акинаки из Келермесского и Литого курганов, украшенные подобным образом, и многие другие изделия были сделаны под непосредственным влиянием урартского искусства². Довольно близкий к этим по типу пояс происходит из погребения № 1, раскопанного близ древнего поселения около Лениканского мясокомбината (инв. 1501), а также из с. Куши на берегу оз. Урмии, найденный, по свидетельству Атрпета³, в погребении быка вместе с серебряной посудой и бронзовыми головками быков. Б. А. Куфтин доказал принадлежность этого комплекса урартскому культурному кругу⁴. Новые археологические находки подтверждают в полной мере сказанное выше. Так, например, клад золотых и серебряных изделий в Саккызе (Иранский Курдистан), где рядом с предметами чисто ассирийского и скифского типа имеются и предметы, очень близкие по своим орнаментальным мотивам к изображениям на закавказских поясах, а также на скифских золотых ножнах из Келермесского и Литого курганов. В частности имеются в виду изображения священных деревьев на золотой пластинке, пекторали и, особенно, обломок золотого пояса, на котором сочетаются элементы урартского искусства (разделка поля пласти-

¹ Н. Я. Марр, Ани, табл. VII, Ленинград, 1934. Пояс был опубликован впервые в рисунке Н. Я. Марром.

² Б. Б. Пиотровский, История и культура Урарту, стр. 312—324.

³ Ա. Թ. Գեղամյան, Երկրագործական շինությունները Արարատյան դաշտում, Վրաստանի հանրապետության պատմություն, 1954, հ. 114—124.

⁴ Б. А. Куфтин, Урартский колумбарий, стр. 40—45.

ны), с элементами скифского (фигуры оленей с подогнутыми ногами) и ахеменидского (фигуры козлов) искусств¹

Таким образом, работами советских археологов выявлена широкая картина взаимосвязи урартской и кавказской культур, а между тем, не так давно немецкий ученый Р. Вирхов, анализируя закавказские бронзовые пояса, утверждал, что сравнение предметов, обнаруженных в Закавказье, с древневосточными ни к какому положительному результату, в смысле установления культурного взаимоотношения, не приводит. При том, ссылаясь на материалы Клейтона из Топрах-кале, полагает, что культура Урарту, связанная прочными узами с ассирийской, не имела никаких связей с культурой северной Армении. Наоборот, по его мнению западно-европейская (в частности германская) и кавказская культуры имели одинаковые истоки, а колоссальная разница между этими культурами объясняется, мол, независимым развитием этих культур в дальнейшем². Миф об индоевропейской прародине давно похоронен советской археологической наукой, а интенсивное археологическое изучение Кавказа все больше и больше выясняет вопросы культурной взаимосвязи.

Наконец, последние 2 пояса без гравировки (табл XIII, рис. 25) находят близкие аналогии среди моргановского материала из Садахлу, Ахталы³, а также в археологическом инвентаре из района того же Ленинкапского мясокомбината (инв. 1502), из открытого в 1930 г. погребения в с. Ани-Пемза (инв. 487а), где вместе с этим поясом были обнаружены железный кинжал, совпадающий по форме с черенковым кинжалом из хртаноцкого кромлеха № 1, и браслеты из бронзы, один из коих украшен на концах змеиными головками (инв. 487б). Остается отметить аналогичный пояс (инв. 1296а) из с. Гюлакарак, Степанаванского района Арм. ССР, найденный вместе с шейными гривнами головинского типа (инв. 1299а, 1299с, 1302 и др.), бронзовыми удилами, а также пояс (инв. 1891/7) из самого Степанавана, добытый раскопками А. У. Погосяна в сентябре 1951 г.⁴ С кромлехами в ущ. Хртаноц совпадает по времени и ахталинское погребение № 47, в котором был обнаружен гладкий бронзовый пояс, очень близкий к поясу из кромлеха № 3 (табл. XVI, рис. 8).

Наличие орнаментированных и неорнаментированных поясов в синхронных погребениях в ущелье Хртаноц указывает на то, что пояса обоих типов долгое время бытуют совместно, хотя появление гладких поясов нужно, повидимому, отнести к более раннему периоду, как это отметил Ж. Морган. Сказанное подтверждается еще тем, что несколько бронзовых неорнаментированных поясов происходит, по сведениям Б. А. Куфтина, из двух Цинцаройских могильников, железный и другой инвентарь которых вполне совпадает с инвентарем могильника в ущелье Хртаноц.

¹ R. Chirschman, Le Trésor de Sakkez. *Artibus Asiae*, т. XIII, № 3, 1950, fig. 8, et 14.

² Использована соответствующая работа Вирхова в армянском переводе («Կոն-կրետի տեղը բաղաբաղըթուրթյան պատմութեան մեջ», Աղագրական Հանդես, դիրք Ա, 1895, էջ 54—116.

³ J. de Morgan, ук. соч., т. 1.

⁴ Приведенный материал, за исключением моргановского, еще не опубликован.

В то время как бронзовые пояса относятся в значительной своей части к эпохе железа, огромное большинство браслетов из Хртаноцкого могильника, сохранив свою традиционную форму, находит многочисленные аналогии как среди инвентаря из могильников эпохи бронзы, так и среди материалов из могильников железного века. К этой категории браслетов относятся все группы выделенных выше образцов (за исключением шестой группы), широко распространенных на территории Армении. Мы уже видели, что этим (коллекционным) группам соответствуют и браслеты, обнаруженные в кромлехах, раскопанных в 1950 году, и что выделение отдельных браслетов в различные группы было вызвано одинаковостью их формами и размерами. Это обстоятельство неизбежно ведет к той мысли, что отдельные группы браслетов были отлиты в определенных каменных или глиняных формах, но вес браслетов одной определенной группы различный, в зависимости от приплавов. Точно такая картина наблюдается при анализе браслетов из могильников Лалвара. Эти факты привели Ж. Моргана к заманчивой, но не оправдавшей себя гипотезе о кавказском цикле и о тождественности его с ассирийским. Действительно, было бы заманчиво, и на первый взгляд даже естественно, увидеть в этих браслетах какие-то меновые единицы в условиях широкого междуобщинного обмена; однако факты не позволяют пока делать подобные выводы. В результате работы над коллекцией браслетов хртаноцкого и других могильников Армении, мы неоднократно получали совершенно противоречивые весовые данные, что лишало возможности анализировать материал по весу. А Ж. Моргану удалось построить такую привлекательную схему только потому, что он брал из всех коллекций лишь те браслеты, которые по весу делились на 2,4 и т. д., а остальные браслеты им оставались в стороне; кроме того, в основе его схемы лежат не определенные весовые данные, а абстрактные, произвольно взятые средние весовые величины. Просматривая моргановскую таблицу (Mission..., т. I, стр. 109), легко убедиться, что в ней приведены самые разнообразнейшие браслеты, которые по своему весу могут быть разделены не только на кратные, но и на некратные цифры. Также весьма условно группированы в ней отдельные браслеты. Так, в группе «D» имеется браслет, весящий 35 граммов, в той же группе другой браслет весит 44 грамма, между тем один из браслетов группы «C» весит 33 грамма. Возникает вопрос, не лучше ли браслет в 35 граммов группы «D» включить в группу «C» (тогда разница будет всего на 2 грамма), чем в группу «D», где получается разница на целых 9 граммов? Можно привести множество таких примеров, показывающих ошибочность этой гипотезы. Однако, сама идея о применении некоторой части бронзовых браслетов в качестве меновых единиц заслуживает, конечно, серьезного внимания, так как в условиях высокого развития междуобщинного обмена, непременно должны были существовать какие-то единицы—эквиваленты: скот, мегалл и пр.

Шестая, по порядку, группа, состоящая из шести змеиноголовых, двух четковидных железных браслетов и одного двойного браслета характерна, в частности, для эпохи широкого освоения железа.

Первый из змеиноголовых браслетов (табл. XVI, рис. 4, кромлех № 3) отличается от других массивными, сильно стилизованными головками, на которых особенно четко выделены глазницы и пасти. Два совершенно аналогичных браслета происходят из урартских крепостей на Кармир-блуре и в Цовинаре. Змеиноголовые же браслеты, найденные в Малаклинском могильнике, в Армавире (ГМА, инв. 13336) и эрмитажный браслет из селения Заким (б. Карсская обл.), обнаруживающие близкое сходство с подобными браслетами из Луристана, несколько отличаются от наших более подчеркнутыми подробностями морды: резко выраженными поднятыми ноздрями, валиками бровей, более четко выраженными круглыми глазами. Но общее сходство этих браслетов состоит в том, что эти массивные головки грубо переданы почти в кубической форме.

Б. А. Куфтин на основании анализа закимского и гушчинского комплексов показал, что появление браслетов типа малаклю на территории Армении связано с урартской культурной средой¹. Однако несколько труднее утверждать то же самое относительно наших браслетов, так как сопоставление их с малаклинскими указывает все же на некоторые их стилистические отличия, что объясняется их местным изготовлением, по видимому, первоначально по урартскому мотиву, но отнюдь не по форме. Трудно представить, чтобы в условиях высокого развития бронзовой металлургии и широкого распространения культа змеи в Закавказье местные племена стали бы копировать подлинно урартские браслеты. Нам представляется поэтому, что в северной Армении переняли у урартов «идею» изготовления подобных браслетов. На это намекает также изучение остальных змеиноголовых браслетов, совершенно стилизованных и менее массивных. Второй браслет из того же третьего кромлеха украшен на концах менее массивными подкубическими головками (табл. XVI, рис. 2) с особенно подчеркнутыми глазами и надбровными дугами, а также несколько выступающей верхней челюстью по сравнению с нижней. Этому браслету соответствует и по форме и по размерам браслет, происходящий из кромлеха № 1 (табл. XIII, рис. 30), а также браслет из раскопок того же могильника, раскопанного в 1929 г. Эти браслеты настолько аналогичны, что отливка их в одной форме не вызывает сомнений. Браслет этого типа был обнаружен Е. С. Такайшвили при раскопках Ворнакского могильника (табл. XVII, рис. 3, инв. 16728), два браслета при раскопках урартской крепости Тейшебаини, один браслет из города Ирпуни (Аринберд), несколько браслетов из района оз. Севан², два браслета из упомянутого выше гюлакаракского погребения (инв. 1465/3а, 1300а), два—из погребения с. Бджни (инв. 319, 20), инвентарь которого вполне соответствует материалу из Головино, один браслет из раскопанной в с. Ани-Пемза могилы (4876) и один браслет из с. Цовинар Нор-Баязетского района (инв. 120/2). К северу от указанных встречается очень незначительное количество подобных браслетов. Здесь нам известны два сходных браслета: один из погребения у с. Мхарт, Борчалинского района, один из курга-

¹ Б. А. Куфтин, *ук. соч.*, стр. 40—45.

² *Ե. Հակոբյան, Պատմամշակութային հուշարձանները Խորհրդային Հայաստանում, նկ. 146.*

на близ Смелы¹, где подобные браслеты совершенно не характерны и, наконец, эрмитажный экземпляр (инв. 17194), приобретенный покупкой в Азербайджане. Погребальный комплекс с. Мхарт, откуда происходит змеиноголовый браслет, нам неизвестен, но Б. А. Куфтин датирует его ванской эпохой. Третий браслет, происходящий также из кромлеха № 3, представлен двумя фрагментами, один из концов отсутствует, другой — украшен плоской головкой длинноухого животного (табл. XVI, рис. 4). Браслет этот точно соответствует тому, который был обнаружен Б. А. Куфтиным в Бешташенском могильнике, датированном на основании наконечников стрел скифского образца, может быть концом VI в. до н. э. Железный инвентарь могильника характеризуется изогнутыми ножами и наконечниками копий урартского типа. Четвертый браслет из того же кромлеха отличается от только что приведенных. Уплощенные его концы симметрично расширены в головной части, напоминая головки змей, а по наружной поверхности головок проведены продольные линии (табл. XVI, рис. 19). Единственную аналогию этот браслет находит в инвентаре из могильника, раскопанного Н. Я. Марром в Ворнаке (Эрмитаж, инв. 16969). На головках этого последнего, в расширенных местах кружками обозначены глаза и точками ноздри. Возраст этого могильника, как уже было отмечено, определяется железным инвентарем и скифскими стрелками позднего типа. Таким образом время распространения этих браслетов падает в основном на период VII—VI вв. до н. э. Особенно характерны они для территории Армении; браслеты эти сравнительно меньше встречаются в южной Грузии и не встречаются в других районах Грузии. К этому же времени относится сложенный вдвое браслет из довольно толстого бронзового прута, обнаруженный в кромлехе № 1. Подобные браслеты особенно характерны для Цинцаройских могильников (VII—VI вв. до н. э.), где совместно с ними были обнаружены гладкие бронзовые пояса, как в кромлехе ущ. Хртаноц, и другой, очень родственной инвентарь². С другой стороны, они известны в нескольких экземплярах из раскопок Н. Я. Марра (Эрмитаж, инв. 16928, 15929 и др.) в Ворнаке, Е. Лалаяна на Севане³ и А. О. Мнацаканяна близ Кахсинского древнего поселения (инв. 1904/3, 4).

Из раскопок Хртаноцкого могильника происходят также железные четковидные браслеты (табл. V, рис. 24), совершенно сходные с браслетами, обнаруженными П. Ф. Петровым в могильнике с. Малакю. В то время как браслеты VI группы характерны лишь для эпохи широкого использования железа, в кромлехах ущелья Хртаноц встречаются (редко) и такие украшения, которые вовсе не характерны для данной эпохи и представлены здесь как пережиточные формы. К этому виду украшений относятся колоколовидные подвески, находящие также аналогии в соседних районах. В кромлехе № 2, в маленьком сосудике—«кладе» вместе с другими предметами была обнаружена бронзовая колоколовидная под-

¹ А. Бобринский, Курганы близ Смелы, табл. XI, рис. 4.

² Б. А. Куфтин, *ук. соч.*, стр. 64, рис. 51.

³ Ե. Լալայան, Համրանների պեղումները Մորհրդային Հայաստանում, ԿԿ, 148.

веска, отлитая по восковой модели (табл. XV, рис. 11). Ажурная поверхность ее была украшена тремя спиральными завитками, сверху она имела большое ушко для подвешивания (через шею), а в самой расширенной нижней части — три крючка, на которых сохранились отдельные звенья цепочки. Недалеко от сосудика были найдены бронзовые плодovidные маленькие подвесочки с петелькой в верхней части, в одном комочке с бронзовыми цепочками. Сличение звеньев цепочки, сохранившихся на большой колоколовидной подвеске с цепочками плодovidных подвесок, не оставляет сомнения в том, что здесь мы имеем одни и те же цепочки, с помощью которых плодovidные подвесочки соединялись (подвешивались) с крючками колоколообразного украшения. Две подобные подвески с тремя рядами треугольных прорезей и обломанными ушками были обнаружены в крмлехе № 1 (табл. XIII, рис. 37) и два великолепных экземпляра при раскопках крмлеха № 3 (табл. XVI, рис. 15) в чаше—«кладе» вместе с большим количеством изящно изготовленных крупных и мелких украшений, покрытых молочной патиной. Среди мелких украшений имелись плодovidные подвесочки, конусовидная подвесочка с ушком, точно такая, как лалварские¹, две подвесочки, близко напоминающие серьги, и др. Колоколовидные ажурные подвески мастерски были отлиты в тонкой восковой модели. Поверхность их украшают три спирали, обрамленные двойным веревочным орнаментом. Сверх веревочных обрамлений имеется несколько полосок, среди которых одна украшена также веревочным орнаментом. Массивное ушко подвески, украшенное снаружи также веревочным орнаментом, имеет в диаметре 2 см, диаметр у нижнего основания подвески составляет 4,5 см, а высота ее — 6,5 см. Снизу эти подвески имеют по три крючка для подвешивания только что описанных мелких украшений, о чем свидетельствуют остатки цепочки, найденные в этой же чаше. Нужно отметить, что техника выполнения этих подвесок подходит к филиграну, характерной для более ранней поры развития закавказской металлургии. Все бронзовые предметы, найденные в этой чаше, отличались большой гибкостью. В других крмлехах подобные подвески не встречаются. Эти украшения, широко распространенные в эпоху поздней бронзы, главным образом в Азербайджане и Армении, ко времени интенсивного использования железа начинают исчезать. В погребениях конца II и начала I тысячелетий имеются многочисленные аналогичные украшения. Приведем только два примера, которые в то же самое время помогут точно реконструировать наши.

В погребальном кургане № 1 близ Ханлара Я. И. Гуммелем была обнаружена очень близкая к нашим колоколовидная подвеска с висящими на мелких цепочках конусовидными подвесочками. Инвентарь Ханларского кургана, ничем не связывающийся с памятниками эпохи широкого распространения железа, может быть отнесен, примерно, к первым векам I тыс. до н. э.²

¹ J. de Morgan, ук. соч., т. I, рис. 106

² Я. И. Гуммель, Археологические очерки, Баку, 1940.

В одном из курганов близ с. Пашакенд (к ЮЗ от Нор-Баязета) Е. А. Лалаян обнаружил подобное украшение, с той только разницей, что к колоколовидной ажурной подвеске были присоединены цепочками через крючки не массивные, а ажурные «плодовидные» подвесочки.

Большой интерес представляет и другое украшение, состоящее из бронзовых трубочек. В материалах из раскопок могильника в ущелье Хртаноц они представлены в сравнительно большом количестве. В кромлехе № 1 две бронзовые трубочки с украшенной пятью полосками ромбического орнамента поверхностью были найдены недалеко от черепа (№ 22), вероятно у грудной части скелета. Бронзовые трубочки, орнаментированные или неорнаментированные, характерны для могильников Закавказья, относящихся к эпохам поздней бронзы и железа (Севан, Головино, «Редкий Лагерь», Ворнак, Лалвар, некоторые погребения триалетских могильников, Самтавро, Шамхор, Ханлар и др.). На территории Северного Кавказа они также нередки. Здесь они были обнаружены в Северной Осетии (Кобань), Дагестане и в предскифских могильниках северо-восточного Кавказа (с. Хорочой). Орнаментированные трубочки из кромлеха № 1 особенно близкие аналогии находят среди материалов Моргана из Садахло². Назначение этих трубочек не совсем ясно. Многие считают их наконечниками, но такое предположение в данном случае неубедительно. Ж. Морган в одном из каменных ящиков в Мусиери, у грудной клетки скелета обнаружил большое роскошное украшение, состоящее из бронзовых трубочек, крупных бусин из кости, конусовидных подвесочек и тонких орнаментированных «булавок», соединенных между собою веревкой (остатки которой сохранились)³. Нижний конец этого составного украшения завершался конусовидными украшениями, а верхний—прикреплялся к кольцу, надетому на головку «булавки». Реставрация Моргана отражает, на наш взгляд, приблизительно верную картину. Об этом свидетельствуют некоторые детали подобного украшения, найденные при раскопках Хртаноцкого могильника в 1929 году («гофрированные» бронзовые трубочки с надетыми на конце черными крупными бусинами, иногда подкубической формы белопастовые крупные бусы, а также крупные бусы из зеленоватого стекла). Безусловно, в различных местах эти украшения должны были быть разными, в зависимости от традиций и состоятельности носителя украшения, но в общем они характерны для многих кавказских племен.

Среди материалов Хртаноцкого могильника огромный интерес представляют бусы из белой и голубой пасты, агата, сердолика, яшмы и стекла, особенно характерные для памятников Армении, эпохи интенсивного освоения железа. Бусы в виде «домино», обнаруженные в большом количестве в кромлехе № 8 вместе с бисером из белой и голубой пасты, находят ближайшие соответствия среди ожерелий из двух синхронных Хртаноцкому могильников у сел. Цинцаро и Гуниа-кала в Триалети. Одна

¹ Ե. Լալայան, Գործարանների պեղումների և որհրդային հայտնաբերում, նկ. 130.

² J. de Morgan, ук. соч., рис. 102.

³ Там же, рис. 103.

такая бусина происходит из раскопок городского поселения Кармир-блутра. Б. А. Куфтин, исследовавший эти триалетские могильники (1937 г.), указал вполне справедливо, что подобные бусы бытовали в Закавказье на протяжении весьма ограниченного промежутка времени и поэтому они типичны для могильников, синхронных Цинцаройским¹.

Но нельзя согласиться с предположением Б. А. Куфтина о том, «что эти бусы до сих пор остаются тесно связанными с районом Триалети...» и что поэтому отдельные могилы Редкина Лагеря, Нор-Баязетского района и нижнего этажа Самтаврского могильника, где были обнаружены подобные бусы, «не могут никак оказаться древнее описываемой группы триалетских могильников с белыми тальковыми бусами, поскольку иначе цалкинская буса не могла бы попасть в 59 погребение «Редкина Лагеря». То же можно сказать и о 565-ом погребении Байэрна из нижнего яруса Самтавро, с его характерным инвентарем»².

Находки белопастовых бус в 59-ом погребении «Редкина Лагеря», в 565-ом погребении Самтавро, в некоторых погребениях района оз. Севан и особенно наличие их в большом количестве в кромлехе № 8 могильника ущелья Хртаноц, а также в погребении № 1 около древнего Кахсинского поселения в ущелье р. Раздан в сопровождении мелкого разноцветного бисера и круглых подвесочек из голубой пасты³ указывают на то обстоятельство, что бусы этого типа были широко распространены во всей Армении в период интенсивного освоения железа и не являлись характерными только для Триалети. Нам кажется, что упомянутые погребения «Редкина Лагеря» и Самтавро являются более древними и, действительно, триалетские бусы никак не могли бы попасть в эти погребения. Дело в том, что сопровождающий бусы в виде «домино» бисер встречается во многих могильниках не только Армении, но и всего Закавказья этой поры и даже в таких отдаленных местах, как Сисианский район Арм. ССР⁴.

Помимо всего этого, в комплексе бус из Хртаноца представлены еще четырехгранно-столбчатые бусы с горизонтальными нарезками на внешней поверхности и плоские бусы типа «домино», изготовленные из белой кости. Подобные бусы в единичных экземплярах известны только из раскопок Н. Я. Марра в Ворнаке (Эрмитаж, инв. № 16942). Это костяные плоские бусы с тремя резными кружками на больших поверхностях и тремя сквозными поперечными отверстиями. Бусы в виде «домино», бисер, бусинки кубической, овальной, бочкообразной формы из белой или голубой пасты, а также костяные бусы составляют единый комплекс, характерный для VII—VI вв. до н. э., и поэтому трудно представить, что весь этот сложный комплекс был привезен из района Триалети, как это думает Б. А. Куфтин.

¹ Б. А. Куфтин, ук. соч., стр. 57—59.

² Там же.

³ Материал из кахсинских погребений не опубликован.

⁴ Опубликованные М. С. Асратяном бусы несколько отличаются от бус в виде «домино», представляя собой позднейший пережиток. «Известия» АН Арм. ССР, 1, 1952.

Вместе с бусами из белой пасты и кости в погребениях ущ. Хртаноц были обнаружены сердоликовые, сардониковые и яшмовые бусы, служащие показателями культурных связей Закавказья со странами древнего Востока.

Овальной, реже шаровидной формы сердоликовые бусы были большей частью сверлены штифтом с двух противоположных сторон. Сердоликовые бусы этого типа получили в Армении широкое распространение особенно в урартскую эпоху. В одном из помещений западного здания на Кармир-блуре было обнаружено ожерелье из сердоликовых и сардониковых бус, среди которых встречались и розовые бусы шаровидной формы, сверленные только с одной стороны трубкой. Бусы, изготовленные подобной техникой, встречаются среди хртаноцских ожерелий. В могильниках на территории Северного Кавказа подобные бусы встречаются часто, но в меньшем количестве (Пятигорск, Моздок, Дагестан и мн. др.). Г. Г. Леммлейн их родиной считает Ассирию, а распространение этих бус на Кавказе относит к X—VI вв. до н. э.¹

Сардониковые бусы являются, главным образом, боченковидными, но среди них попадаются и овально-плоские и цилиндрические. Боченкообразные бусы точно соответствуют ожерелью, обнаруженному на Кармир-блуре. Овально-плоские же бусы близко напоминают бусину с именем ассирийского царя Ададнирари, найденную Э. Реслером в Ходжалах². По технике сверления сардониковые бусы соответствуют сердоликовым бусам Кармир-блуре, сверленным трубкой. Формальная и техническая близость этих изделий с ассирийскими делает возможным предположение об их ассирийском происхождении, но утвердительно ответить на этот вопрос пока рано, возможно, что часть этих бус является местной. По сравнению с сердоликовыми агатовые бусы в могильниках Закавказья менее распространены, но встречаются в большом количестве именно в погребениях урартского времени. На территорию Северного Кавказа они попадали через Закавказье. Здесь они встречаются не редко, но в малом количестве. В единичных экземплярах они известны из окрестностей Пятигорска (Каррас, Чеснок гора и др.), могильников Моздока и Константиновки, из Ахалгорийского клада, Дагестана и др. мест, но первоклассный интерес представляет то обстоятельство, что таковые были обнаружены в могильниках скифского времени у сел. Исти-су и Бойси-ирзо (сев. вост. Кавказ) вместе с сердоликовыми бусами и железным инвентарем, очень близкими к нашим, и, кроме того, в Маджалисе и в предскифских погребениях у с. Хорочой.

В наименьшем количестве представлены типичные стеклянные бусы. Первым делом нужно упомянуть крупную подквадратную бусину из зеленоватого стекла, найденную в кромлехе № 2 вместе с бусами рассмотренных уже типов.

¹ Г. Г. Леммлейн, Техника сверления каменных бус из раскопок на Кавказе, КСИИМК, вып. XVII, стр. 22—30, 19.

² И. И. Мещанинов, К вопросу об ассирийской бусине из Ходжалинского могильника. ИООИА, № 3, 1926 г., а также И. И. Мещанинов, Ассирийская вотивная бусина из Азербайджана, ИООИА, № 2, 1926.

Точно такие же стеклянные бусы были обнаружены во время раскопок урартской крепости Тейшебаини¹. Очень близкие по форме к кармир-блурским стеклянные бусы происходят из раскопок могильника в Мусиери, отнесенного Ж. Морганом к III своей группе, а также из погребений нижнего этажа Самтаврского могильника. Таким образом, в то время как сердоликовые и сардониковые бусы можно приурочить вообще к урартскому времени, подквадратные из зеленоватого стекла бусы относятся, по всей вероятности, к VII—VI вв. до н. э. К этому времени относится и другая крупная бусина биконической формы с центральным отверстием, изготовленная из того же материала. Точно такая бусина происходит из Так-килисинского могильника в Триалети², где комплексы бус и металлических изделий вполне соответствуют комплексам из Хртаноцкого могильника. Так-килисинский могильник датирован Б. А. Куфтиным временем урартской экспансии.

Анализ бронзовой и керамической посуды подтверждает датировку всего комплекса из Хртаноца VII—VI вв. до н. э. Бронзовая посуда, совершенно не встречавшаяся в погребениях эпохи бронзы, появляется в Закавказье в урартское время. Находки бронзовых сосудов здесь весьма немногочисленны (Малаклю, Пашакенд, Головино, Кармир-блур, Мингечаур), но характерны. Одни из них относятся к кругу ассирийских, другие—урартских, а некоторые—местных изделий. Чаша-фиала (табл. IX, рис. 1), имеющая на дне розетку с выпуклыми лепестками, не находит аналогии ни среди фиал из Вана, Кармир-блур и Малаклю, относящихся к кругу ассирийских изделий, ни среди собственно ассирийских изделий. Эту фиалу несколько напоминает чаша-фиала ассирийского типа, обнаруженная в помещении № 12 на Кармир-блуре, но ближайшие аналогии она находит в чашах позднего типа, обнаруженных в Пашакендском и Мингечаурском могильниках. Остальные две простые чаши, описанные во второй главе этой работы, довольно близко напоминают урартского типа чашу из листовой бронзы, обнаруженную в помещении № 18 на Кармир-блуре вместе с предметами скифского конского убора. Вспомним, что чаши, обнаруженные в этом помещении, относятся к двум типам: 1) чаши с отогнутым широким венчиком, 2) чаши с вертикально стоящим низким бортом. Как раз эти последние соответствуют по форме хртаноцским.

Глиняная посуда Хртаноцкого могильника указывает на более близкие связи с урартской керамикой из города Тейшебаини. Урартская краснолощенная керамика широко известных форм, носящих иногда иероглифические урартские клейма, обнаруженная на территории Армении (Малаклю, Армавир-блур, Кармир-блур, Арин-берд), относится определенно к VIII—VI вв. до н. э. и несколько отличается от керамики центральной части Урарту более светлым ангобом. К сожалению, керамика из других урартских поселений Армении совершенно не изучена и трудно сказать, какая местная керамика сопровождает урартскую. На Кармир-блуре же встречается большое количество местных керамических изделий, совпа-

¹ Б. Б. Пиотровский, История и культура Урарту, рис. 29.

² Б. А. Куфтин, *и.к. соч.*

дающих по форме с керамикой из могильников раннего железного века, как это видно из описания керамики могильника в ущ. Хртаноц. Кармир-блуре, городского поселения и могильника близ этой урартской цитадели. Наиболее характерным образцом местной керамики, встречавшейся в урартских поселениях, являются чернолощеные или серые кувшины, ручки которых имеют перегиб в средней части и украшены рядом глубокоштампованных треугольников, находящихся друг на друга вершинами, или же мелких четырехугольников, всажённых друг подле друга.

Один из этих кувшинов (табл. XI, рис. 5) из Хртаноцкого могильника украшен ниже горла тремя рельефными валиками. На верхней половине корпуса, ниже валиков, расположен ряд треугольников, наведенных лощением, обращенных остриями вниз и заполненных горизонтальными линиями. Ручка сосуда имеет перегиб и вертикальную прорезь. Точно такой же кувшин (больших размеров) происходит из раскопок на Кармир-блуре (табл. XI, рис. 7). Сравнение их не оставляет никакого сомнения даже в том, что кармирблурский кувшин принесен урартами из какого-то местного поселения. Близкие к этим кувшины происходят из могильников Лалвара VII—VI вв. до н. э.

Более массовый характер носят в могильнике Хртаноц кувшины с дугообразными ручками, имеющими характерный узор в виде вдавленных треугольников, но не имеющими перегиба на середине (табл. XI, рис. 6). Такие сосуды были обнаружены, как мы уже видели, в помещениях Кармирблурской цитадели, где они представлены чаще всего только ручками от сосудов, и в могильниках Севанского района (раскопки Е. А. Лалаяна¹).

Другая группа сосудов Хртаноцкого могильника также находит аналогии среди местной керамики урартских поселений. Это сосуды с широким горлом, украшенные семячковым однорядным или двух-трехрядным орнаментом, отличаются от наших только тем, что орнамент расположен здесь в трех рядах. Такое, однако, отличие не может играть решающей роли, так как над плитами перекрытия кромлеха № 1 и в самом кромлехе были обнаружены черепки горшков, украшенных тремя рядами семячкового орнамента (табл. XI, рис. 2).

Следующая группа керамики, состоящая из чернолощеных мисок с вогнутым венчиком и одним или несколькими подтреугольными выступами, прикрепленными у основания венчика (табл. XI, рис. 1), особенно характерна для Хртаноцкого могильника. В цитадели на Кармир-блуре она вовсе не встречается. Обнаруженные в могильнике Кармир-блуре чернолощеные миски сходны с нашими по выступу, подтреугольному в плане, проткнутому вертикальным отверстием, но отличаются от них вертикальным бортом (табл. XXI). Очень близкие к последним по форме ручки были обнаружены в кварталах города у Кармир-блуре (табл. XXI), в весьма отдаленном Сисианском районе (Арм. ССР) при раскопках дольменовидного сооружения², а также при раскопках Е. Лалаяна на Севане³.

¹ Մ. Քարիբուրջյան, Վեդիքոսի երկիրը, նյութեր չրս չայտատար պատմաբան, հ. 1, էջ 179:

² Результаты раскопок не опубликованы.

³ Ե. Լալայան, Գամրանների պեղումները Սորթղայի չայտատանում, նկ. 28:

где имеется керамика, очень близкая к нашей. Таким образом, при всех формальных отличиях этих сосудов, постоянное сходство их выказывается при сравнении ручек, что определенно говорит о единых приемах их изготовления и о едином их назначении.

Группу местной керамики, характерную как для кармирблурского комплекса памятников, так и для закавказских могильников эпохи широкого освоения железа составляют так называемые маслбойки, описанные нами в трех случаях (погр. № 2 с. Головино, город близ Кармир-блур и цитадель). Подобная маслбойка происходит еще из раскопок Так-килисинского могильника¹, обнаруживающего очень много сходных черт с могильником ущелья Хртаноц. Как общее замечание, нужно сказать, что помимо комплексов железных, бронзовых, пастовых предметов, аналогичных нашим, в Так-килисинском и Цинцаройском могильниках выступает довольно близкая к нашей керамика (маслбойка, чернолощенные кувшины, украшенные горизонтальными линиями ниже горла и заштрихованными треугольниками, наведенными по корпусу лощением, кружки с вогнутыми широкими полосками на внешней поверхности и др.).

Маслбойка, обнаруженная в городских жилищах, отличается от других тем, что поверхность ее орнаментирована гребенчатым штампом. Кроме того, остается не выясненным вопрос: маслбойки, обнаруженные в могильниках Закавказья имели ли внутренние выступы, подобно Кармир-блурским, или нет? Мы думаем, что вопрос назначения этих сосудов можно считать решенным. На то, что мы имеем в данном случае маслбойку, указывает наличие на подобных сосудах горизонтальной ручки и отверстия около него. В пользу этого соображения говорят также этнографические параллели. С. И. Макалатиа указывает², что в Мтиулетии подобные маслбойки применяются до наших дней и описывает несколько аналогичных кармирблурской маслбоек. Нужно дополнить, что очень близкие по форме маслбойки применяются до сих пор и в селах Армении.

Вместе с маслбойкой в погребении № 2 у с. Головино был обнаружен одноручный (с перегибом) желто-коричневый лощеный кувшин, поверхность которого украшена рельефными дугами, заполненными лучами, идущими от центрального выступа веерообразно (табл. XX, рис. 6). Подобные, богато украшенные сосуды весьма характерны для Лалварских могильников. Здесь они были встречены неоднократно Ж. Морганом при раскопках погребений в Ахтале и Мусиери³. Сравнение лалварских сосудов с нашим не оставляет сомнения в их совершенной тождественности и делает возможным предположение, что сосуд погребения № 2 происходит из района Лалвара, так как он совершенно не характерен для керамики вообще Дилижанского района (Арм. ССР).

В жилищах городского поселения (помещ. №№ 5—6) найдены были два фрагмента подобного сосуда, описанные в третьей главе настоящей

¹ В. А. Куфтин, ук. соч.

² S. Makalathia, Einige ethnographisch-archeologische Parallelen aus Georgia, Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien, Bd. LX, Heft VI.

³ J. de Morgan, ук. соч., т. I.

работы (табл. XX). Наконец, характернейшую группу керамики Хртаноцского могильника составляют одноручные кружки с рельефно-вогнутыми полосками на внешней поверхности (табл. XI, рис. 4). В могильниках Армении, относящихся к раннему железному веку, такие кружки встречаются чаще по сравнению с другими образцами рассмотренной нами керамики. Точно такие кружки вместе с кувшинами с дугообразной, украшенной вдавленными треугольниками ручкой были обнаружены Е. А. Лалаяном при раскопках могильников Нор-Баязетского района¹. К сожалению, ни погребения, ни комплексы их выяснить не удалось. Очень близкие по форме кружки были обнаружены в Ворнакском могильнике при раскопках Н. Я. Марра (Государственный Эрмитаж, инв. 16809, 17208). Погребения, где были они обнаружены, остались не установленными, но, несомненно, эти керамические изделия относятся к более позднему времени (V—IV вв.). Они отличаются от наших чрезмерно грубой отделкой и представляют здесь выродившийся, нехарактерный тип керамики. Поразительную близость к нашей керамике обнаруживают глиняные кружки, найденные при раскопках Так-килисинского и Цинцаройского могильников в Триалети². Севернее Триалетского района подобные кружки не встречаются. Самым южным пунктом находки этого типа керамики является селение Сисиан, Сисианского района Арм. ССР, где при раскопках долменовидного сооружения было обнаружено большое количество черепков от керамики с рельефно-вогнутыми широкими полосками на внешней поверхности вместе с фрагментами мисок с подтреугольным продырявленным выступом, металлическим инвентарем и бусами (паста, сердолик), близкими к найденным в могильнике ущелья Хртаноц.

С другой стороны, большой интерес представляет находка кружки этого типа при раскопках помещения № 13 в цитадели на Кармир-блуре. Некоторые предметы, найденные в этом помещении, обнаруживают большое сходство с предметами, найденными в могильнике ущелья Хртаноц. К этой категории изделий относятся: обломки пояса, украшенного продольными полосами с точечным узором, массивные железные и бронзовые браслеты, изогнутые железные серпы, каменные бусы и т. п. Некоторые же другие изделия определяют время этого комплекса, помимо клинообразных надписей. К числу таковых относятся урартские гиревидные печати, ассирийская фаянсовая цилиндрическая печать со сценой охоты, скифская пастовая бусина полушаровидной формы с зарубками на поверхности, типа, широко распространенного в древнейших скифских погребениях, и другие вещи.

Место Хртаноцкого могильника среди археологических памятников Армении

Рассмотрение инвентаря из могильников в ущелье Хртаноц в общей связи с инвентарем из одновременных закавказских археологических памятников совершенно определенно показало невозможность отождествле-

¹ В. [ш [ш] ш], Դաւրաշէանի պեղումները Նոր-Բայազէտի համալիրում, ԿԳ. 88:

² Б. А. К у ф т и н, ук. соч., табл. XXIX.

ния его с культурами периода первоначального появления железа или же ахеменидского времени, хотя культура, только что рассмотренная нами, уходит своими корнями именно в глубь эпохи раннего железа и обнаруживает прочные связи с более поздней культурой так называемой ахеменидской эпохи. Вместе с тем изучение инвентаря Хртаноцкого могильника дало возможность установить наличие тесных культурных связей, с одной стороны, с позднеурартской и раннескифской культурами, а с другой стороны, тождество Хртаноцкого могильника с могильниками Армении и Закавказья, датированными совершенно определенно VII—VI вв. до н. э. Связи местной культуры с урартским административным центром—городом Тейшебаини, прочно датированным VII—VI вв. на основании письменных памятников, вырисовываются совершенно четко не только при анализе железного инвентаря (наконечники копий, серпы, ножи и пр.), но и при рассмотрении бронзовых изделий—продуктов ремесла и искусства (браслеты, пояса и пр.), ожерелий из стекла, пасты и полудрагоценных камней и местной керамики, представленной в кармирблурском комплексе кувшинами, мисками, орнаментированными горшками грубой выделки и т. п.

Близкие взаимоотношения закавказской и урартской культур в некоторой мере предопределили как развитие северо-кавказской и скифской культуры, так и широкие связи последних с Закавказьем и древним Востоком. Особенно четко прослеживаются связи закавказской культуры с культурой северо-восточного Кавказа (наконечники копий, ножи, сердоликовые и агатовые бусы, некоторые бронзовые изделия) и менее определенно с так называемой кобанской культурой. Приведенные нами северокавказские могильники датируются VII—VI вв. до н. э.

Прочные аргументы для датировки хртаноцкого инвентаря дает сопоставление его с железными (изогнутые ножи, топорик, некоторые наконечники копий) и бронзовыми (пояса, ножны, змеиноголовый браслет, конские уборы) изделиями из скифских богатых курганов Прикубанья (Келермес) и Приднепровья (курганы близ Смелы), датированных VII—VI вв. до н. э. Однако изучение археологических комплексов эпохи широкого освоения железа позволяет видеть реальные связи не только с северо-кавказскими и северо-причерноморскими скифами, но и со скифами, населявшими Приурмийский район, согласно сведениям ассирийских письменных источников и данных археологии (погр. в селе Гуци, клад в Саккизе), в течение VII—VI вв. до н. э. При этом особенно важно отметить, что огромное большинство рассмотренных нами археологических комплексов сопровождается трехгранными или двуперыми наконечниками стрел раннескифского образца, получившими широкое распространение на территории всего Кавказа и Переднего Востока в комплексах материалов VII—VI вв. до н. э., как это показали исследования Б. Б. Пиотровского¹, Б. А. Куфтина² и других ученых.

¹ Б. Б. Пиотровский, История и культура Урарту, стр. 307—312.

² Б. А. Куфтин, ук. соч.

Обнаруживая резкое отличие от инвентаря из предшествующих и последующих во времени археологических памятников, инвентарь Хртаноцкого могильника прочными узами связан с инвентарем всех могильников Армении VII—VI вв. до н. э. по всем основным формам орудий и оружия (железные копья, ножи, кинжалы, пики, серпы, предметы украшения из камня и пасты и т. п.). Единичные предметы, тяготеющие к более ранним этапам развития металлургии, являются пережиточными образцами и не имеют никакого значения для датировки памятника.

Сказанное делает несомненной датировку могильника в ущелье Хртаноц временем VII—VI вв. до н. э.